

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ВАСИЛИЙ
ЗВЯГИНЦЕВ,
ГЕННАДИЙ
ХАЗАНОВ

Para Bellum

ЭКМО
МОСКВА
2015

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-45

Оформление серии *А. Саукова*
Серия основана в 2003 году
Иллюстрация на переплете *А. Дубовика*

Звягинцев, Василий Дмитриевич.

3-45 Para Bellum : телероман / Василий Звягинцев, Геннадий Хазанов. — Москва : Эксмо, 2015. — 736 с. — (Русская фантастика).

ISBN 978-5-699-78953-5

Действия Андреевского Братства нарушили «гармонию сфер», которую даже в своем непримиримом противостоянии пытались сохранить аггры и форзейли, превратили отдельные реальности в «обитаемые острова», разделенные океаном времени и законов Вселенной, изменив в них течение событий и поведение ключевых персонажей. Но любой шторм когда-то кончается, и волны стихают. Что остается на берегу? Какой импульс может предотвратить, например, великую войну, а какой окажется недостаточным, и история вернется в прежнее русло? 1941 год. Советский Союз. Попытка устранить Сталина. Ошибка или спасение? И какова цена этого опыта, проведенного над временем, страной, тысячами людей?

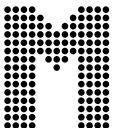
УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-78953-5

© Звягинцев В., Хазанов Г., 2015
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2015

ПРОЛОГ

ужчина лет тридцати пяти, высокий, с правильными, твёрдыми чертами лица, одетый в элегантный светло-серый костюм модного в Европе где-то в конце тридцатых годов XX века «спортивного стиля», открыл массивную деревянную дверь. Дубовые доски этой двери, словно в старинных теремах, были стянуты фигурными железными накладками, вместо ручки имелось массивное, тоже кованное из железа кольцо.

Вошедший на секунду приостановился на пороге с таким видом, будто совсем не ожидал увидеть то, что представилось его взору.

Удивление вызвал не сам зал с четырёхметровыми потолками, подкреплёнными грубо тёсанными балками с подкосами, большой, в рост человека, горящий камин у левой стены, три окна с подёрнутыми ледяными узорами стёклами; в простенках остеклённые шкафы и открытые стеллажи, забитые книгами без видимого порядка, где тома с золочёными корешками соседствовали с дешёвыми изданиями в мягких обложках и переплетёнными кое-как подшивками журналов; у глухих стен пирамиды с многочисленными, сразу видно, что очень не рядовыми, винтовками и ружьями; посередине массивный, нарочито одним топором сделанный стол, за которым могли бы пиршествовать до двадцати человек, сейчас весьма скромно накрытый только на двоих, — а сидящая у его торца чрезвычайно красивая дама лет несколько ближе к сорока, чем к тридцати, подпирающая кулаком под-

бородок, которую вошедший мужчина совсем не ожидал здесь увидеть. Верховный координатор резидентуры Межзвёздной конфедерации на Земле, Дайяна, столь же недостижимая для прямого общения рядовым агентам, как в Советской стране товарищ Сталин простым трудящимся. Известно, что существует, и руководящие указания регулярно доходят до каждого, и почти никогда не спит, думая о благе народа, но увидеть лично, кроме как в кинохронике, — исключительное везение. Или — совсем наоборот.

Визитёр ожидал чего-то совсем другого, получив приказ явиться на межвременную базу, расположенную и в нескольких шагах, и в нескольких десятках световых лет от его резиденции в центре Москвы. Не говоря о совершенно несоотнесимых временных единицах с тысяча девятьсот тридцать восьмым годом Главной исторической последовательности летоисчисления от Рождества Христова. Координатор второго ранга Валентин Лихарев никак не думал, что лично, не на экране блок-универсала удостоится встречи с Высочайшей.

Было у неё, само собой, и другое имя, и другая исходная внешность, только никто из «человекообразных» сотрудников достоверной информации об этом не имел. Одни лишь осторожные слухи.

Сейчас, впрочем, никаких следов величия в ней не просматривалось. Женщина и женщина, пусть очень красивая, но явно чем-то утомлённая и даже угнетённая. Валентин не бывал в восьмидесятых и даже в шестидесятых годах, где её облик вполне соответствовал эстетическому канону, поэтому не до конца понял ситуацию. С таким лицом и в таком антураже Повелительница времён не должна появляться перед нижестоящими.

Повинуясь её взгляду, он сделал несколько шагов и сел напротив, через один стул от угла. Это соответствовало этикету.

— Удивлён? — спросила Дайяна, едва заметно улыбнувшись. Голос у неё был приятный, но чуть низковатый для привыкшего к иной, пронзительной тональности голосов женщин тридцатых годов Валентина.

Ответа вопрос явно не требовал. Удивлён, не удивлён, кого интересуется его состояние. Дайяна поняла смысл неопределённой реакции агента.

— Не стану вдаваться в подробности, это отнимет слишком много времени...

Она сделала паузу.

— Впрочем, что такое время, особенно сейчас? Видишь ли, случилось нечто совсем неожиданное. Наши извечные враги-соперники, ты знаешь, о ком я говорю, вступили в комплот с несколькими землянами, из тех самых, возможных кандидатов в Держатели мира, ради пресечения потенциала которых мы и работаем здесь, в десятке Реальностей, от Древнего Египта до Страны победившего социализма...

— И что? — аккуратно спросил Лихарев. Степень его удивления, чтобы не сказать резче, за время, пока он слушал Высочайшую, дошла до крайнего предела. Однако подготовка, полученная сначала в школе инопланетных разведчиков, а потом в Российском Императорском Пажеском корпусе, советской ВЧК, а позже ОГПУ и Особом секторе ЦК ВКП (б), позволила ему сохранить спокойное, даже безразличное выражение лица и тональность голоса.

— Эти... форзейли с помощью землян сумели пронести на нашу Базу на Таорэре «информационную бомбу», взрыв которой, по их расчётам, должен был отсечь ту Реальность, что они считают расположенной на Главной исторической последовательности, от контролируемой нами Вселенной...

— И что? — снова повторил Лихарев. Он был опытный царедворец, за пятнадцать лет даже у товарища Сталина, с которым контактировал ежедневно

и по самым деликатным вопросам, не вызвал ни малейшего неудовольствия. Сейчас ситуация не предполагала с его стороны лишних вопросов. Высочайшая сама позвала, сама и скажет.

— А то, что они очень сильно ошиблись. Бомба-то сработала, и та Земля, где они это сделали, потеряла всякую связь с нашими мирами и с нашей Реальностью. Казалось бы, они выиграли. Но на самом деле проиграли, потому что и сами исчезли из своей реальности. Теперь мы все как на необитаемом острове.

— А лично ко мне это какое имеет отношение? — осторожно спросил Валентин, на самом деле не очень понимая, каким образом акция, предпринятая совершенно абстрактным неприятелем (вроде Сатаны для францисканского монаха), может повлиять на его собственную, вполне материалистическую жизнь в тысяча девятьсот тридцать восьмом году, где как раз начали разворачиваться очень интересные события.

— Не думала, что у меня такие ограниченные координаторы здесь работают, — с печальной улыбкой сказала Дайяна, взяла со стола пачку сигарет «Ротманс», несколько нервно прикурила, повернувшись к камину и выпустив дым в сторону высоких языков пламени. — Нам конец, ты это в состоянии понять? Нет больше Проекта, Программы, связи с Родиной, смысла жизни тоже. И ты даже к себе, в свою реальность больше не вернёшься. Её тоже нет. Нет ни одной Параллели.

— А что есть? — пренебрегая субординацией, которая, исходя из вышесказанного, тоже утратила смысл, спросил Лихарев.

— Да вот мы с тобой, эта База и, наверное, та реальность, которая возникла. В ней и придётся устроиться, позабыв обо всём прочем...

— Вы совершенно в этом уверены?

— Более чем. Все известные реальности горят как свечи, подожжённые с двух концов. Уже два дня

я чувствую, что теряю память о многом, об очень многом... Скоро я превращусь в самую обычную бабу, тысяча такого-то года рождения, никогда не слышавшую о множественности миров. Как до Джордано Бруно...

— По-моему, вы преувеличиваете. Я имею некоторое представление об информационном оружии форзейлей. Оно не может вызвать таких последствий. Конечно, побочные волны могут возникнуть, но... Даже самый сильный шторм обязательно заканчивается, и опять наступает штиль... Давайте потерпим немного. Здесь-то нам ничего не грозит? А там видно будет. Вы сейчас из какого года сюда пришли?

— Из восемьдесят пятого. И имею информацию, что в две тысячи пятнадцатом от нашего дела не осталось и следа...

— Ну так у меня в тридцать восьмом всё обстоит нормально, сорок лет в запасе. А за это время много чего может случиться. Стоит ли так уж беспокоиться?

Женщина тяжело вздохнула. Бросила недокуренную сигарету в камин, тут же схватила вторую.

— Плохо же мы вас учили. Очень плохо. Я же сказала — свечка горит с двух концов. И нет больше никакого вашего времени. И никакой Исторической последовательности. Теперь уже неизвестно, что происходит или может произойти хоть в тридцать восьмом, хоть в двадцатом, хоть в моём восемьдесят пятом. Везде и вокруг непонятно что. И обязательно будет ещё хуже...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЛОВЕЦ ЧЕЛОВЕКОВ

ГЛАВА 1

 оварищ Сталин поднял голову, посмотрел на высокие напольные часы с мерно качающимся маятником. Без двенадцати минут полночь. Можно работать ещё часа два-три. Дел невпроворот. Железнодорожники докладывают, что западное направление перегружено, опасаются разрушения путей, предупреждают о возможности крушений. Значит, надо снизить количество перевозок в западном направлении. Военные сообщают, что комплектуемые к технике, горючее и боеприпасы не доставляются вовремя. Боевые машины концентрируются на границе, но без бензина, снарядов и патронов к пулёметам они — металлолом. Значит, надо увеличить количество перевозок в западном направлении. И как это увязать? Есть проблемы с обеспечением продовольствием, связью. А ещё необходимо разбираться с перспективами сельского хозяйства. Господи, да с чем в этой стране разбираться не надо!

Лампа под зелёным, полезным для глаз, как утверждали врачи, абажуром бросала круг света на разложенные на столе бумаги. В остальном помещении, сгущаясь к углам, царил полумрак. Вождь любил такое освещение. Но сегодня работа не шла.

Не нравилось Иосифу Виссарионовичу в новом кабинете. Хотя Лаврентий сделал всё, чтобы привычная

обстановка не нарушилась. Стол и жёсткое кресло вождя поставили на то же место, где их привыкли находить приглашённые. Думали, конечно, не о посетителях. Главное, чтобы Хозяин видел каждого входящего, просто подняв глаза от бумаг и не вертя головой.

В маленькой комнате отдыха за перегородкой разместились узкая койка, застеленная солдатским одеялом. Крохотная душевая, совмещённая с туалетом, тоже ничем не отличалась от такого же помещения в прежнем, обжитом за пятнадцать лет кабинете. Даже старую ковровую дорожку перенесли, хотя она была изрядно вытерта тысячами подошв «вождей» всех рангов. И всё равно под высоким потолком нового кабинета Сталин чувствовал себя неуютно.

Может быть, временному рабочему месту не хватало пропитавшего драпировки и, кажется, сами стены запаха трубочного дыма? Или прав Лаврентий — просто накопилась усталость и, сам того не замечая, Иосиф стал капризничать? Если так, это совершенно непростительно. Надо взять себя в руки. Неделя не такой уж большой срок. Зато, по уверениям бериевских технарей, кабинет и новая система телефонной связи главы партии и государства станут абсолютно защищёнными от любых попыток прослушивания. («Это я плохо подумал, — остановил себя Иосиф, — «абсолютно». Есть ведь русское слово «совершенно». Нечего поощрять иностранщину».)

Иосиф Виссарионович бросил двуцветный красносиний карандаш на отчёт Наркомата путей сообщения и встал из-за стола. Хотелось курить, но лекари пугали инсультом. Инфаркт ещё куда ни шло. Либо скопытишься сразу, либо останешься нормальным человеком, а не растением, как этот... Усилием воли Коба отогнал видение костлявого черепа, бессмысленных глаз и свалявшихся усов и бородки Ильича в последние дни. Нет уж, лучше сдохнуть сразу...

Сталин обошёл стол, взял в левую руку трубку и стал неторопливо набивать её табаком. Таким нехи-

трим способом он обманывал сам себя, тянул время, чтобы не глотать сизый дымок слишком часто. Второй хитростью было спрятать спички — длинные, так называемые каминные. Подхалимы привезли из Англии. Иногда вождь даже откладывал приготовленную трубку, приказывал себе забыть о ней. Детская игра с самим собой забавляла, заставляла снисходительно усмехаться в усы: даже у стальных людей должны быть свои маленькие слабости. Только никто о них не должен догадываться.

Присутствие чужого он ощутил спиной, звериным чутьём, которое выработалось ещё в начале века, когда часто приходилось скрываться в горах после «эксов», переправляя «на север» хурджины с банковскими купюрами. Последний раз в шестом году, тогда взяли двести пятьдесят тысяч большими «катьками»-сторублёвками. Ох, как тогда бесилась, «землю рыла» охранка. Да и обычные абреки, узнай про эти мешки, не задумываясь, пустили бы пулю в спину. «Никакой, понимаешь, воровской солидарности». Так что наган и маузер стали привычнее, чем ложка или даже карандаш.

Сейчас люди Власика и Берии охраняют своего хозяина плотно. Правда, приёмной с секретарём перед его временным пристанищем не оборудовали. Неподходящая, понимаешь ли, планировка. Верный Поскрёбышев остался на постоянном месте, вызвать его можно только по телефону. Но у дверей кабинета и за каждым поворотом длиннейшего коридора расставлены парные посты. Один боец от НКВД, другой — от армейской охраны. Так что никто не может появиться в кабинете вождя без доклада. И всё же Коба чувствовал, что в комнате кто-то есть. Ему стало страшно, а ещё точнее — жутко.

Медленно, бесшумно ступая мягкими ичигами, Иосиф Виссарионович обошёл стол, стараясь не поворачиваться к незваному гостю лицом. Пусть тот думает, что товарищ Сталин ничего не почувствовал.

Страх сменился жестоким азартом. Они думают, будто товарищ Сталин утратил навыки боевика? Они считают товарища Сталина кабинетным сидельцем? Коба не поднимал головы, продолжал заталкивать табак в жерло трубки. Боком присел на кресло, пошарил рукой по столу, будто бы отыскивая спички. Не нашёл, мотивированно открыл ящик стола, не торопясь сунул правую руку внутрь, нащупал потёртую рукоять револьвера. Теперь можно не спеша оглянуться, поднять глаза на незваного гостя. Если он сразу не выстрелил в спину, значит, это не покушение?

Человек, который стоял в трёх шагах сзади и справа, был одет в выцветший широкий плащ с пятнами плесени. Большой капюшон полностью покрывал голову. В зеленоватой полутени от абажура лампы лицо, изрезанное глубокими морщинами, казалось почти чёрным. Складки кожи светились, как на иконах Феофана Грека и других исихастов.

— Не бойся, смертный, — пророкотал глубокий бас. — Я не причиню тебе вреда.

— Я и не боюсь, — хрипло сказал товарищ Сталин, криво улыбнулся и вынул из ящика руку с уже взведённым наганом.

— Оружие против меня не нужно, — снисходительно произнёс чужой. — Я пришёл предупредить тебя...

Он сделал долгую паузу. Иосиф Виссарионович тоже молчал. Наконец заговорил визитёр: «Мане, Такел, Фарес написано на стенах твоего дворца. Грядет большая война. Империя будет повержена. И твоя участь будет ужасной. Готовься!»

Голос звучал ровно, без интонаций. От этого слова становились непререкаемыми, как приговор высшего суда.

Носитель плаща повернулся и шагнул к выходу.

Сталин не мог вдохнуть. Сердце заняло всю грудную клетку, гулко и больно толкалось в рёбра. Каждый удар тяжело отдавался в голове. Глаза заволакивала коричневая пелена.

«Так и случается insult», — подумал вождь.

Сильнейшим усилием воли он поднял руку на уровень глаз и дважды нажал на спуск.

Вождь видел, как появились и даже затлели по краям пробоины на выцветшей ткани плаща незнакомца.

Выстрелы прозвучали удивительно глухо, как через подушку. Призрак неторопливо обернулся:

— Я же предупредил тебя, смертный, против меня ваше оружие бесполезно...

Голос у него был по-прежнему низким, но каким-то бесцветным при этом. Не ускоряя движений, призрак дошёл до двери, толкнул её и вышел в коридор.

Сталин бросил на стол наган, прижал рукой рвущееся на волю сердце. На подгибающихся ногах он как-то добежал до медленно возвращающейся на место двери. Выцветший плащ был ещё виден слева, в двух шагах от первого поворота. Миг, и он скроется в лабиринтах бесчисленных переходов древнего Кремля.

Часовые замерли по сторонам от входа, с отсутствующими лицами, не «держая винтовки у ноги», а, скорее, опираясь на них.

— Шэни деда! — выкрикнул Сталин в лицо сержанту справа. — Что смотришь, придурок, стреляй!!!

Боец словно очнулся от сталинского бешеного крика, да он и вообще впервые услышал голос вождя. Глаза вдруг стали осмысленными, увидели спину призрака. Сержант вскинул к плечу «драгунку».

— Огонь! — подтвердил Сталин команду с непечатным дополнением.

Винтовочный выстрел стегнул по ушам, как бичом. Взвизгнула пуля, отскакивая от несокрушимой стены. Таинственный визитёр скрылся за поворотом раньше, чем охранник успел передёрнуть затвор.

Охранник, бухая сапогами, рванулся вперёд, добежал до угла и увидел, что коридор пуст.

А второй только начал «просыпаться», недоумённо тараща круглые глаза на Сталина.

Иосиф Виссарионович, чувствуя, что язык плохо ему повинуется и пол под ногами ощутимо покачивается, всё же вяло и неостроумно выругался, словно забыв всё богатство тюремно-каторжной лексики. Кое-как добрёл до койки в «комнате отдыха» и с трудом сел, а не упал на неё. С недоумением посмотрел на стиснутый пальцами наган, медленно положил его рядом с тощей подушкой.

...Поскрёбывшеся примчался почти мгновенно, за ним, на звук выстрела, разводящий караула. Берия появился только минут через десять, но зато в сопровождении целой стаи врачей кремлёвского Лечсанупра, в медицинских халатах разной степени крахмалёности и наглаженности. В зависимости от должности и специальности. Иосифа Виссарионовича наскоро осмотрели и прослушали стето- и фонендоскопами сразу с нескольких сторон, потом, несмотря на его протесты, бережно переложили с койки на носилки, и крепкие санитары бегом рванули к центральной лестнице, ухитрясь при этом нести пациента так аккуратно, что, держа он стакан в руке, не расплескалось бы ни капли.

Лаврентий, кусая губы и преувеличенно громко вздыхая, трусил рядом, держа вождя за руку. Обычно замкнуто-хищное лицо его было сейчас белым и потеряннм. Щёку дёргал тик, пенсне сидело криво, грозя вот-вот свалиться.

Сам кабинет вождя и его окрестности заполнили люди в штатском и форме. Одни выковыривали из стены пулю постового, другие растягивали рулетку, по сантиметрам измеряли путь от стола Иосифа Виссарионовича до поворота, за которым растворился призрак. Третьи тут же, на месте взяли в оборот обоих бойцов, и чувствовалось, что первые подозреваемые уже обозначились.